

ЦИКЛА ЗЕМНОЙ КРУГ

Трилогия Первый Закон:

Кровь и железо
Прежде чем их повесят
Последний довод королей

• • •

Лучше подавать холодным
Герои
Красная страна
Острые края

• • •

Трилогия Эпоха Безумия:

Немного ненависти
The Trouble with Peace
The Beautiful Machine

Joe Abercrombie

LAST ARGUMENT
OF KINGS

First Law

BOOK THREE

Джо Аберкромби

ПОСЛЕДНИЙ ДОВОД КОРОЛЕЙ

Первый Закон

КНИГА ТРЕТЬЯ

fanzon

Москва
2020

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
А14

Joe Abercrombie
THE FIRST LAW. BOOK THREE: LAST ARGUMENT OF KINGS

Copyright © 2008 by Joe Abercrombie
First published by Victor Gollancz Ltd, London
Cover illustration and design: Dark Crayon

Данное издание посвящается памяти критика и редактора
Андрея Зильберштейна (1979–2017)

Аберкромби, Джо.

А14 Последний довод королекоролей / Джо Аберкромби ; [перевод с английского О. Орловой, А. Питчер, Н. Абдуллина]. — Москва : Эксмо, 2020. — 624 с. — (Фэнтези Джо Аберкромби).

ISBN 978-5-04-111749-8

Король умер! Да здравствует король!

Честные и справедливые выборы – вот новая задача для инквизитора Глокты, а вернее, «добыча» голосов за «правильного», «нашего», кандидата. Вот только Глоктору намного больше интересует на агитация и шантаж, а всякие расследования, закулисные интриги, и он как всегда не может вовремя остановиться... На Севере дело движется к финальной битве к между армией Союза и отрядами самозванного короля Бетода. И именно теперь возвращается легендарный Логен Девятипалый, Девять Смертей, - человек, которого все считают мертвым. Бывший соратник Бетода жаждет отомстить... Грядет последняя, решающая схватка, которая обнажит древние тайны и откроет правду! Судьба Союза решится раз и навсегда...

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-111749-8

© О. Орлова, А. Питчер, Н. Абдуллин,
перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Четырем читателям —
вы знаете, кто вы

ЧАСТЬ I

Жизнь как она есть — всего лишь мечта
об отмщении.

Поль Гоген

Грязный торг

Наставник Глокта стоял посреди огромного пустынного холла. Томясь в ожидании, он вытянул изогнутую шею в одну сторону, затем в другую; привычно хрустнули позвонки, по изувеченным мышцам между лопаток растеклась привычная боль.

«Зачем я делаю это, если мне больно? Зачем мы себя мучаем — трогаем языком язвочку, сдираем волдырь, сковываем с раны подсохшую корку?»

— Зачем? — еще щелчок.

Мраморный бюст у подножия лестницы хранил презрительное молчание.

«Как знакомо... Иного я и не ожидал».

Глокта зашаркал по плиткам пола, подволакивая безжизненную ногу; под сводчатым лепным потолком звонким эхом разносился стук трости.

Среди дворян открытого совета лорд Ингелстад, хозяин этого в высшей степени роскошного холла, занимал в высшей степени скромное положение. За последние годы дела благородного семейства серьезно пошатнулись, от бывшего богатства и влияния не осталось и следа.

«И чем ничтожнее человек, тем на большее притязает. Почему они вечно не могут понять? Неужели не ясно, что на фоне большого ничтожное выглядит еще ничтожней?»

Где-то в сумраке невидимые часы исторгли из механического чрева несколько гулких ударов.

«Как уже, оказывается, поздно. Чем ничтожнее человек, тем дольше заставляет ждать. Это греет ему душу. Но я умею быть терпеливым, когда нужно. На пышных приемах без меня не скупа-

ют, восторженные почитатели у порога не толпятся, прекрасные женщины не высматривают с замиранием сердца мой силуэт... Благодаря заботам гурков из императорских тюрем все это осталось в далеком прошлом».

Прижав к пустым деснам язык, Глокта переставил ногу и застонал — в спину как будто вонзились сотни игл, от боли задержалось веко.

«Я умею быть терпеливым. Единственная хорошая вещь, когда каждый шаг — испытание. Ступать осторожно учишься с поразительной скоростью».

Ближайшая дверь внезапно распахнулась. Глокта резко обернулся, так, что хрустнула шея, и ему стоило немалого труда подавить страдальческую гримасу. На пороге стоял лорд Ингелстад — крупный, румяный, добродушный на вид мужчина. С дружелюбной улыбкой он жестом пригласил Глокту пройти в комнату.

«Словно нам предстоит любезная светская беседа».

— Простите, наставник, что заставил вас ждать. С того дня, как я приехал в Аду, у меня столько посетителей! Прямо голова кругом! — «Будем надеяться, что она не откроется напроць». — Очень, очень много посетителей! — «И все с интересными предложениями. В обмен на голос. В обмен на помощь при выборах следующего короля. Что ж, от моего предложения будет болезненно отказываться». — Наставник, позвольте предложить вам вина?

— Нет, благодарю. — Глокта, прихрамывая, вошел в комнату. — Я заглянул ненадолго. У меня тоже много дел.

«Ты же знаешь, что сами собой выборы нужного результата не дают».

— О, разумеется! Пожалуйста, садитесь.

Беззаботно опустившись в кресло, Ингелстад указал рукой на противоположное. Глокта медленно сел и, немного поерзав, выбрал удобное положение, в котором спину не крутило от боли.

— О чем вы хотели со мной поговорить?

— Я пришел от имени архилектора Сульта. Скажу без обид — надеюсь, вы не обидитесь: его преосвященству нужен ваш голос.

Тяжелые черты лица аристократа исказились в притворном изумлении.

«Чересчур фальшивое притворство».

— Кажется, я не совсем вас понимаю. Для решения какого вопроса ему нужен мой голос?

Глокта вытер слезящийся глаз.

«К чему кружить, словно в бальном зале? Ты не создан для этого, а у меня нет ног».

— Для решения вопроса, кто взойдет на престол, лорд Ингелстад.

— Ах, вот оно что! — «Вот оно что. Придурок». — Наставник Глокта, я безмерно уважаю его преосвященство. — Он подчеркнуто смиренно склонил голову. — Не хочется разочаровывать ни его, ни вас, но совесть не позволяет мне поддаться на уговоры и принять чью-либо сторону. Мы, члены открытого совета, наделены священным доверием, поэтому мой долг — отдать свой голос за того, кого из множества прекрасных кандидатов я считаю лучшим. — Его губы тронула самодовольная усмешка.

«Отличная речь. Деревенский дурачок, может, и купился бы. Который раз за последние несколько недель я слышу подобное? После показательного выступления обычно начинается торг — подробное обсуждение стоимости священного доверия. Какое количество серебра перевесит драгоценную совесть, какое количество золота разорвет крепкие узы долга... Только я сегодня не в настроении торговаться...»

Глокта высоко вскинул брови.

— Ваша благородная позиция, лорд Ингелстад, заслуживает восхищения. Если бы каждый человек имел похожие принципы и силу характера, в каком чудесном мире мы жили бы! Крайне благородная позиция! Особенно для человека, которому грозит потерять... в общем-то, абсолютно все, если не ошибаюсь. — Он взял трость и, морщась от боли, сдвинулся на край кресла. — Но вас, как вижу, не переубедить... Я, пожалуй, пойду...

— Наставник, вы о чем? — На пухлом лице Ингелстада появилась тревога.

— Как — о чем? О взятках, незаконных сделках...

Румянец на щеках дворянина потускнел.

— Наверное, произошла ошибка...

— Уверяю вас, никакой ошибки! — Глокта достал из внутреннего кармана пальто стопку бумаг. — Старшие члены гильдии торговцев шелком в своих признаниях часто упоминали ваше имя. Весьма часто. Понимаете? — Он развернул хрустящие

листы так, чтобы лорд Ингелстад тоже видел записи. — Здесь вас называют «соучастником» — заметьте, не я придумал это слово. Здесь — «главным выгодоприобретателем» грязнейшей контрабандной операции. А вот здесь, — мне даже неловко говорить, — здесь ваше имя находится в опасной близости от слова «измена».

Ингелстад обмяк и, привалившись к спинке кресла, дрожащей рукой со стуком поставил бокал на стол; на полированное дерево плеснулись темные капли вина.

«Ай-ай-ай! Право, их лучше поскорее вытереть, иначе останется ужасное пятно. Некоторые пятна вывести невозможно».

— Впрочем, его преосвященство, — продолжал Глокта, — считает вас своим другом, поэтому убрал имя Ингелстад из исходных документов. Он понимает, что вы просто пытались спасти семью от разорения, и искренне вам сочувствует. Однако архитектор будет крайне разочарован, если вы откажете ему в поддержке на голосовании, а тогда его сочувствие быстро иссякнет. Вы догадываетесь, о чем я?

«По-моему, я объяснил все четко и ясно».

— Догадываюсь, — хрипло отозвался аристократ.

— И что там с узами долга? Как по-вашему, они ослабли?

Ингелстад нервно слотнул, его лицо побелело как полотно.

— Я бы приложил все силы, чтобы помочь его преосвященству, не сомневайтесь, только... дело в том... — «Ну-ну... И что теперь? Предложишь в отчаянии заключить сделку? Попытаешься всучить взятку? Или даже воззовешь к моей совести?» — Вчера ко мне приходил представитель верховного судьи Маровии. Человек по имени Харлен Морроу. Он произнес похожую речь... и присовокупил похожие угрозы.

Глокта нахмурился.

«Неужели? Маровия и его гнусный червяк Вечно они путаются под ногами. Либо идут на шаг впереди, либо дышат в затылок...»

— И что мне делать? — В голосе Ингелстада зазвенели визгливые нотки. — Я не могу поддержать вас обоих! Наставник, я просто уеду из Адуи! Навсегда! Я... Я воздержусь от голосования...

— Ничего подобного, мать вашу, вы не сделаете! — прошипел Глокта. — Вы проголосуете так, как я говорю, и к чер-

ту Маровию! — «Не придавить ли его покрепче? Подло, но... ничего не поделаешь. Руки у меня и так замараны по локоть. Подлостью больше, подлостью меньше...» — Вчера в парке я наблюдал за вашими дочерьми, — меняя интонацию, вкрадчиво промурлыкал он. На лице дворянина померкли последние краски. — Какие юные, невинные создания! Какие нежные бутоны! Еще немного — и распустятся. Все три наряжены по последней моде, одна прелестнее другой. Самой младшей... лет пятнадцать?

— Тринадцать, — сипло выдохнул Ингелстад.

— Ах, тринадцать? — Глокта обнажил в улыбке беззубые десны. — Рано она у вас расцвела. Девочки впервые приехали в Адую, если не ошибаюсь?

— Впервые...

— Я так и думал. Их восторженная оживленность во время прогулки по садам Агрионта всех просто очаровала! Клянусь, самые видные столичные женихи уже готовы выстроиться в очередь. — Улыбка Глокты постепенно угасла. — Сердце кровью обливается, как подумаешь, что столь хрупкие создания бросят в одну из страшнейших исправительных колоний Инглии! Там красота, изысканные манеры и мягкий характер привлекают внимание иного рода, куда менее лестное. — Медленно наклонившись к Ингелстаду, он с деланным ужасом передернул плечами и прошипел: — Такой жизни я не пожелал бы и собаке. А виной тому — неблагоприятие отца, который мог этого не допустить.

— Но мои дочери не участвовали...

— Мы выбираем нового короля! В жизни государства участвуют все! — «Пожалуй, чересчур жестоко. Однако жестокие времена требуют жестоких решений». Глокта оперся на здоровую ногу и с трудом поднялся из кресла; рука, сжимающая трость, дрожала от напряжения. — Я передам его преосвященству, что на ваш голос можно рассчитывать.

Ингелстад сник окончательно. Сгорбился, сжался.

«Словно проколотый бурдюк».

На лице застыли отчаяние и ужас.

— Но верховный судья... — прошептал он. — Неужели у вас нет ни капли жалости?

Глокта пожал плечами.

— Уже нет. В детстве я был жалостлив до идиотизма. Я рыдал даже над мухой, трепещущей в паутине. — Поворачиваясь к двери, он скривился от боли: ногу свела судорога. — Однако бесконечные страдания излечили меня.

Встреча проходила в узком кругу («Правда, компанию теплой не назовешь») за огромным круглым столом, в огромном круглом кабинете. Наставник Гойл, сидевший напротив Глокты, злобно буравил его взглядом, глазки-бусинки так и сверкали на костлявом лице.

«И, похоже, не от избытка нежных чувств».

Внимание его преосвященства архилектора Сульта, главы инквизиции его величества, было приковано к полукругу стены, увешанной тремястами двадцатью листками бумаги.

«По листку на каждую благородную душу нашего открытого совета».

В большие открытые окна задувал легкий ветерок, и бумага тихо шелестела.

«Дрожащие листочки дрожащих голосов».

На каждом значилось имя.

«Лорд такой, лорд этакий, лорд разэтакий таких-то земель. Могущественные аристократы и мелкие дворянчики. Люди, чье мнение никого не интересовало до тех пор, пока принц Рейнольт не отправился из собственной постели напрямиком в могилу».

На уголках большинства листов были прилеплены разноцветные восковые шарики. На некоторых по два и даже по три.

«Метки верности. Кто за кого отдаст голос. Голубой шарик — за лорда Брока, красный — за лорда Ишера, черный — за Маровию, белый — за Сульта и так далее. И все их надо постоянно менять, в зависимости от того, куда дует ветер».

Ниже тянулись густые строчки, выведенные убористым почерком. Что там написано, Глокта со своего места не видел, но ему и не требовалось вчитываться: он прекрасно знал содержание.

«Жена — бывшая шлюха. Неравнодушен к юношам. Слишком много пьет. Убил слугу в приступе ярости. Не может заплатить игровой долг. Тайны. Слухи. Ложь... Вот они, орудия благородного торга. Триста двадцать имен, триста двадцать гнусных историй. Каждую пришлось раскопать, провести расследование

и использовать с выгодой для себя. Вот она, политика. Поистине труд праведников. Так зачем я делаю это? Зачем?»

Архилектора занимали более насущные проблемы. Сцепив за спиной руки в белых перчатках, он рассматривал трепещущие листки.

— Брок по-прежнему всех опережает, — мрачно пробормотал его преосвященство. — У него примерно пятьдесят голосов, я уверен. — «Насколько можно быть уверенным в наши ненадежные времена». — Ишер наступает ему на пятки — его поддерживают больше сорока человек. У Скальда, насколько известно, тоже прибавилось голосов. Не ожидал от него такой жесткой хватки. Тридцать голосов ему дает делегация из Старикланда, он их крепко держит. Столько же у Барезина. Значит, эта четверка и есть главные кандидаты.

«Кто знает, кто знает... Вдруг король протянет еще годик? Тогда, пожалуй, и голосовать будет некому — к тому времени мы все друг друга перебьем. — Глокта едва сдержал ухмылку, представив зал Круга лордов, заваленный роскошно разодетыми трупами: все дворянство Союза и двенадцать членов закрытого совета. — Каждый заколот кинжалом в спину своим соседом. Омерзительная сущность власти...»

— Вы разговаривали с Хайгеном? — отрывисто спросил Сульт.

Гойл кивнул лысой головой и с презрительной усмешкой раздраженно взглянул на Глокту.

— Лорд Хайген еще сопротивляется. Никак не избавится от фантазий, что может сам взойти на престол, хотя контролирует от силы дюжину кресел. Все мечется, пытается наскрести голоса в свою поддержку, и так этим занят, что толком не выслушал наше предложение. Думаю, через неделю-другую он образумится. Возможно, тогда удастся склонить его на свою сторону, но я бы на него не рассчитывал. Скорее всего Хайген объединится с Ишером — они всегда тесно общались.

— Что ж, рад за них, — прошипел архилектор. — Что насчет Ингелстада?

Глокта поерзал в кресле.

— Ваше преосвященство, я предъявил ему ультиматум в самой жесткой форме.

— Значит, его голос можно считать нашим?